

с своей партией и никогда более не увидел Флоренции, «прекрасного логовища», где он покоился ягнёнком и к которому продолжал страстно стремиться в течение всей своей жизни.

Беатриче определила тон его чувства, опыт изгнания – его общественные и политические взгляды, их архаизм. Гвельфы и гибеллины, как папская и имперская партии, уже отжили в Италии; в городах ведётся социальная борьба оптиматов и буржуа, за которыми поднимается плебс и готовая явиться к захвату власти тирания. В гвельфской Флоренции боролись таким образом оптиматы – партия чёрных, с семьёй Донати во главе, и белые – пополаны, среди которых наибольшим влиянием пользовалась семья Черки. Первых поддерживал папа, вторых обвиняли в гибеллинских симпатиях, в тайном союзе с рассеянными по Италии и Тоскане обрывками старого имперского гибеллинства. Новые городские партии естественно искали материальной помощи на стороне; ещё естественнее было требование идеального оправдания борьбы, и его находили в готовых формулах гвельфства и гибеллинства, но под условием нового их понимания. Поражённые своими противниками, людьми той же партии, гвельфы поднимали гибеллинское знамя.

Так было и с Данте Алигьери, но при особых условиях, характеризующих его как мыслителя и поэта: он постоянно искал принципиального основания всему, что происходило в нём самом и вокруг него, в жизни аффекта и общественной. Эта вдумчивость, эта жажда общих начал, определённости, внутренней цельности не исключали у него ни страстности, ни воображения; то и другое мирилось, определяя качества его поэзии, его стиля, образность его абстракции. Любовь к Беатриче получала для него таинственный смысл; он вносил его в каждый её момент, расчленяя его путём аллегорических толкований – и он слагает повесть своей молодой, обновившей его любви: «Обновлённую жизнь» (*Vita Nuova*). Смелые и грациозные, порой сознательно грубые образы фантазии складываются в его Комедии в определённый, строго рассчитанный рисунок, симметричность которого продумана до последней черты. Он очутился в водовороте партий, умеет быть завзятым даже муниципалистом; но у него потребность сосчитаться с собой, уяснить себе принципы деятельности – и он пишет свой латинский трактат «*De Monarchia*», своеобразный апофеоз гуманитарного императора, рядом с которым он желал бы поставить столь же идеальное папство. Он гибеллин, но личного, идеального пошиба; это одно должно было отшатнуть его от его сверстников; уже в первые годы изгнания ему пришлось стать одному (Рай, XVII, 68,9).

Годы изгнания были для него годами скитальчества, тревожных надежд и неудачных попыток вернуться на родину; ему пришлось испытать, как горек чужой хлеб и трудно подниматься по чужим лестницам (Рай, XVII, 55). Уже в ту пору он был лирическим поэтом среди тосканск. поэтов «нового стиля» – Чино из Пистойи, Гвидо Кавальканти и других, – вышедшим из условности провансальцев и любовной метафизики болонской школы к пониманию поэзии, как голоса сердца (Чист. XXIV ст. 52 и сд.). Его *Vita Nuova* уже написана; изгнание настроило его серьёзнее, поставило перед ним новые задачи, воспитало, за вопросами партий и областных самолубий, идею культурной родины, Италии. Он продолжает работать над собою, писать с перебоями и остановками, понятными в условиях скитальческого существования. Он затевает свой «Пир», *Convivio*, аллегорически-схоластический комментарий к четырнадцати канцонам, желая выяснить в нём общие этические вопросы на итальянском языке в назидание тем, которые, подобно ему, не сидели за трапезой священной, то есть латинской науки, но готовы подобрать крохи, падающие с её стола. Но «*Convivio*» не кончен: написано было лишь введение и толкование к 3-м канцонам. Не кончен, обрываясь на 14-й главе 2-й книги, и латинский трактат о народном языке, или красноречии (*De vulgari eloquentia*), полный блестящих просветов на родственные отношения романских языков (*lingua d'oc, lingua d'oïl* и *lingua di si*), но извращающий историческую точку зрения, потому что латинский язык, то есть язык знакомой Данте Алигьери письменности (*grammatica*), становится не в начале их развития, а в конце: это – язык, условно созданный по уговору многих народов, переставших понимать друг друга, так разошлись их родные говоры. Одно из преимуществ итальянской речи – её близость к условной грамматической латыни.

В годы изгнания создались постепенно и при тех же условиях работы три кантики Божественной Комедии. Время написания каждой из них может быть определено лишь приблизительно. Рай дописывался в Равенне, и нет ничего невероятного в рассказе Боккаччио, что после смерти Данте Алигьери его сыновья долгое время не могли доискаться тринадцати последних